

Николай II и великие КНЯЗЬЯ

**Родственные письма к
последнему царю**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 Николай II и великие князья: Родственные письма к последнему царю / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 148 с.

ISBN 978-5-458-52304-2

В предлагаемой переписке читатель, как в зеркале, увидит все ничтожество, всю убогость царственных "особ", но вместе с тем и их дружный семейственный союз, когда дело касалось их семейных, классовых интересов, - несмотря на интриги, борьбу, подсиживания друг друга и положительно лакейское унижение и подхалимство перед своим коронованным вождем. Увидит читатель в этой переписке и то, как эта романовская семейка была неспособна не только на руководство великим народом, но даже и на самое примитивное понимание необходимости тех уступок, какие своевременно сделали на Западе их более дальновидные собратья по ремеслу.

ISBN 978-5-458-52304-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Это откровенное признание достаточно ясно характеризует умственное развитие этого великого князя, который, как видим, чувствовал себя совершенно потерпанным без помощи чужой головы.

Но было бы, однако, ошибкою думать, что голова великого князя Николая Николаевича была вовсе не способна к каким-либо более или менее разумным мыслям. Очевидно, Н. Н., из скромности, несколько припизил свою самооценку. Но крайней мере, одно из суждений, высказываемых им в печатаемых здесь письмах, свидетельствует о значительной зрелости его мысли. Мы имеем в виду то, что еще в 1908 году Николай Николаевич в записке, поданной Николаю II, высказывал вполне основательное мнение, что «престиж великих князей подорван окончательно, и Россия к ним не может относиться с доверием». И хотя это справедливое признание вырвалось у великого князя под влиянием раздававшихся в Государственной Думе нападок, — это не уменьшает ценности такого авторитетного свидетельства.

Желая как-нибудь вознаградить себя за вынесенные от Думы нападки, Н. Н. Ромапов пишет сам себе от имени Николая II рескрипт, в котором выражает себе «особенную, сердечную благодарность» за понесенные труды, и сам же восторженно отзывается о своем «выдающемся научном и практическом знании воспитания войск» и о «понимании истинного духа военного дела». Николаю II не стоило, конечно, никакого труда подмахнуть свою подпись под этим, написанным себе его дядей, рескриптом.

Если мы прибавим к этому, что «выдающееся научное и практическое знание воспитания войск» заключалось, главным образом, в зверском обращении с солдатами, вследствие чего великий князь «сумел к себе внушить ненависть всей гвардии и всего петербургского военного округа»¹⁾, то сцепление всех этих отдельных штрихов даст, кажется, достаточную характеристику этого «претендента на вырожденство».

И, тем не менее, кандидатура в. к. Николая в дарн выдвигалась во время импералистической войны довольно решительно.

Некоторые подробности об этом дает одно из печатаемых здесь писем к Николаю II в. к. Николаю Михайловича. Он

¹⁾ Это последнее свидетельство берем из «Дневника А. В. Богдановича» (П. 1924 г., стр. 483). Чересоченный автор дневника, конечно, не мог в этом погрешить против истины.

обращает внимание царя на те средства, при помощи которых создавалась почва для этой кандидатуры:

«Эта популярность, — пишет Н. М. Романов, — была искусственно подготовлена в Киева Миллицией, совсем исподволь и всеми способами — распространение в народе брошюр, всяких книжонок, дубков, портретов, календарей и т. п. Благодаря такой обдуманной подготовке, популярность не упала после падения Галиции и Польши, и слова возросла после кавказских побед».

«Популярность эта, — говорит далее Н. М. Романов, — вовсе не идет на пользу престола или престижа императорской фамилии. а только к муссированию мужа великой княгини, славянки, а не немки, а равно как и его брата и племянника Романа. При возможности всяких смут после войны, надо быть на-чеку и наблюдать зорко за всеми ходами для поддержания сей популярности».

Правда, здесь дело не только в дубках и книжках, которыми создавалась реклама кандидата в царя. Несмотря на крайнюю уместившую ограниченность в к. Николая, у него (вероятно, под влиянием его ближайших советчиков) было смутное понимание, что для того, чтобы идти к царскому «престолу», надо искать какую-то опору; потом, рассчитывая, оп. можно будет все и всех скрутить, а пока, в подготовительный период, нельзя грубо противодействовать тому «общественному мнению», с которым не хотел считаться Николай II. Тогдашнее «общественное мнение» имело вполне определенные границы: по замечанию другого великого князя, Николая Михайловича, в печатаемых здесь письмах, это «общественное мнение» простиралось «от митрополита Питирима до Челюкова и от Бориса Васильчикова до Гучкова». Николай Михайлович не мог, конечно, представить, что существует какое-либо другое общественное мнение. Но, если даже взять указываемые им пределы и разделить это пространство на две части, то можно, кажется, признать, что с правой, вполне черной его частью, Николай-дядя был работать не прочь. А так как Николай II не хотел считаться ни с кем кроме Питирима - Распутина, то у Николая-дяди являлось некоторое преимущество перед его царствующим племянником. Высокий рост, громкий голос, властный характер были другими условиями, которые, в глазах офицерства и черной «общественности», создавали выгодные условия для кандидатуры в царя.

Но Распутин и те, кто стояли за ним, предчувствуя это, поспешили убрать Николая-кандидата на Кавказ; а Николая-царя при таких условиях уже легко было держать в своих руках.

Выше упоминалось имя «Милицы». Эта великая княгиня, которой принадлежит организация рекламования в к. Николай, — лицо, весьма влиятельное в романовской семье. С ее именем связан один из напечатанных в настоящей книге документов — и это побуждает нас уделить место ее личности.

Жена захудалого великого князя Петра Николаевича, она все свои практические расчеты связывала с личностью его брата, Николая, женатого на ее сестре Анастасии. Если бы Николай — кандидат сделался царем, Милица стала бы полуцаршей; а так как в к. Николай был бездетен, то наследником его явился бы сын Милицы — Роман. Ради осуществления таких перспектив и старалась Милица об усилении «популярности» Н. Н. Романова.

Милица, в глазах царствующей четы, была (до тех пор пока ее двусмысленная роль не стала разгадана) специалисткой по самым разнообразным вопросам: по акушерству, по религии, по вопросам внешней политики и т. п. Но главная сфера ее компетенции заключалась все-таки в области религиозно-мистической. Милица была, между прочим, придворным поставщиком разных старцев и пророков: при ближайшем участии этой великой княгини был призван ко двору как сам Распутин, так и его предшественник, французский авантюрист, «доктор» Филипп.

Цель этой религиозно-мистической деятельности Милицы была чисто-коммерческая. Она заключалась в получении от Николая II «многочисленных и значительных сумм»; это, по словам Половцова, являлось прямым последствием «чтенний и бесед о высшем, лучшем, неземном мире, представителям коего они (Милица, ее сестра Анастасия и Филипп) являются в придворной развращенной среде»¹⁾.

Во время мировой войны, в 1915 году, когда аппетиты русских империалистов разыгрывались в полной мере, и Николай II обдумывал планы предстоящих захватов, он считал пугливым запросить отзыв Милицы по вопросу о будущих границах Черногории. Ответу на этот запрос и посвящено печатаемое здесь письмо Милицы. Подкрепляя свое мнение авторитетом своего отца, известного авантюриста, черногорского князя Николая, Милица высказывает пожелания о том, какие именно земли должны быть присоединены к будущей Черногории. Предполагалось включить

¹⁾ «Дневник А. А. Половцова» — «Красный Архив», 1923 г., том III, стр. 158.

в нее Гердеговицу, южную часть Далмации, острова Рагузу и Катарро и пр. Таким образом, подобно тому, как раньше, бывшая черногорская принцесса, желая услужить своей родине (а более всего себе), выпрашивала у Николая II разные денежные субсидии, так теперь тот же услужливый Николай должен был, ценою крови русских солдат, урвать для Черногории раз-ные, желательные ей, земли.

Вообще, надо сказать, что черногорские принцессы постоянно старались ввязать на направление русской балканской политики. Балканы — этот пороховой погреб Европы — через черногорских паукон имели тесную связь с самой командующей верхушкой царской России. Конечно, многоголовая гидра войны была в Париже, Лондоне, Берлине, Петрограде, Вене, но змеиный хвост ее был явственнее всего на Балканах. И «черногорки», принадлежа к наиболее активным прихвостням русской империалистической политики, старались посколько было в их силах, подливать масла в огонь, в расчете, между прочим, и на то, что великая, мировая бойня будет способствовать осуществлению «национальных задач» маленькой Черногории. Наглядным доказательством этому являются и те политические комбинации, которые замыслились во время войны «черногорками» на почве их семейной связи не только с русской, но и с итальянской царствующей династией ¹⁾.

Николай Николаевич и Милица принадлежали к одной ветви «дома Романовых» — к «Николаевичам», политические расчеты которых связывались с кандидатурой в цари самого Н. Н. Романова.

В настоящей книге выступает и другой «претендент на русский престол» — в. к. Дмитрий Павлович. Любимец Николая II, Д. Романов стал своеобразным «героем» после того, как в компании с Пуришкевичем и Юсуповым убил Григория Распутин.

В печатаемых здесь письмах Дмитрия Романова наглядно выступает обычный тип светского шалопада; все интересы этого «претендента на престол» сводятся к гонкам на автомобилях, в скачке на лошадях, к разным светским развлечениям. По собственным словам Дмитрия, его тянет только «к своим лошадям, чтобы прыгать». Когда он хочет позвать Николаю II свою душу — «поделиться мыслями», то решительно ничего, кроме пустой болтовни и различных пошлостей, написать не может.

¹⁾ Об этом подробности в примечаниях.

Вместе с тем великий князь, как это видно из писем, был совершенно малограмотным человеком¹⁾. Полнейшее умственное убожество, ничтожество во всех отношениях сказываются в каждой его строке. И если мы печатаем эти письма, то только потому, что в лице Дмитрия Романова обрисовывается общий тип «великих князей». Самый тон этих писем, грубо-пошлые остроты, непечатные выражения—все это характеризует как этого великокняжеского педоумба, так и его старшего друга—Николая II.

Большое количество печатаемых в этой книге писем принадлежит великим князьям из линии «Михайловичей». Представители этой романовской линии (в общем, люди все-таки более развитые, чем другие их родственники) занимались преимущественно различными политическими интригами и связанными с ними флиппансовыми аферами, удобоисполнимость которых была вполне обеспечена благодаря тому, что один из «Михайловичей» — Александр, был женат на сестре Николая II — Ксении. Поэтому, не рассчитывая выдвинуть из своей среды «кандидата на престол», «Михайловичи», в своих личных интересах, с особым усердием поддерживали существовавший династический порядок. Так, в. к. Николай Михайлович пишет Николаю II по поводу «популярности» в. к. Николая Николаевича: «других вариантов (т. е. кроме Николая II и его потомства) в династическом отношении я не признаю и никогда признавать не буду». И это вполне естественно, потому что всякая другая комбинация могла бы, в силу изменения личных отношений, пошатнуть то удобное положение, которое имели «Михайловичи» при Николае II.

Более всего в настоящей книге писем только что упомянутого Н. М. Романова.

Николай Михайлович Романов был известен, как историк времени царствования его деда (по боковой линии) Александра I. Исторические работы великого князя имели некоторую ценность, но это в значительной степени объясняется тем, что автор, благодаря своему исключительному положению, имел возможность пользоваться такими материалами, которые, не были никому, кроме него, доступны.

Если другие великие князья призваны были стоять во главе различных отраслей высшего военного управления, то великий князь Николай Михайлович, как историк, считался чем-то в роде главы

¹⁾ Это не объясняется французским воспитанием, потому что столь же малограмотно Дмитрий писал и по-французски.

казенной русской истории; это положение определялось его должностью председателя официального «Русского исторического общества», содержавшегося на средства миллионера Половцова, а также на правительственные субсидии. Подведомственных ему историков или лиц, желающих таковыми считаться (членов этого общества), Николай Михайлович держал строго и «подталкивал» их, по его выражению, «по своему фасону».

Но, если как историк, Николай Михайлович имел некоторые достоинства, то, как великий князь, он принадлежал к одним из наиболее злобных представителей этой породы. Граф Витте, выделяя этого великого князя и его брата Александра из сонма других царских родственников, называет этих двух лиц «зловещими великими князьями»¹⁾. Витте рассказывает, что именно по настоянию этих великих князей был проведен известный столичный акт о роспуске на три дня Государственной Думы и Совета, для того, чтобы издать помимо последнего закон о земстве в западных губерниях. Когда некоторые члены даже такого «благонамеренного» учреждения, как Государственный Совет, осмеливались высказать робкое недовольство этим мероприятием, Николай Михайлович находил, что нужно «разогнать» весь этот Совет.

Такие факты достаточно показывают, что представлял собою, несмотря на свое политическое фрондерство, этот великий князь.

Печатаемые здесь его письма затрагивают, между прочим, вопрос о подготовке к созыву мирного конгресса, — эта мысль была возбуждена перед Николаем II самим Николаем Михайловичем в 1916 году. Не подлежит, конечно, сомнению, что подпять об этом вопросе было всегда своевременно. Но почему великий князь заинтересовался этим вопросом? Дело объясняется очень просто: ему самому захотелось быть представителем России на будущей международной конференции.

И, вот, возникает дельный план, осуществления которого Н. М. Романов настойчиво добивается у Николая II. С этой целью великий князь начинает заискивать и перед Сазоновым, уверяя его, что он, Николай Михайлович, «был бы в восторге работать под его (Сазонова) руководством». На справедливый ответ Сазонова, что «великие князья не пользуются любовью и уважением русского общества», Николай Михайлович апеллирует к Николаю II. Он «не пользуется уважением», но имеет

¹⁾ Граф С. Ю. Витте. «Воспоминания». 1923 г. Том II, стр. 449.

великокняжеское положение, имеет — по собственному признанию — «язык без костей». Чего же нужно еще более? В конце концов, весь этот вопрос был для великого князя только одним из способов заполнить свое пустое время — чем-то в роде охоты на вальдшнепов и перепелов, об успехах на которой Н. М. Романов тогда же уведомлял Николая II.

Брат Николая Михайловича, Александр Михайлович, также представлен в настоящей книге несколькими письмами. Личность этого авантюриста, игравшего особенно большую роль благодаря своему браку на сестре Николая II — Ксении, очень выразительно обрисована уже в воспоминаниях графа Витте. С именем А. М. Романова связаны различные авантюры: участие в корейских концессиях Безобразова, организация (исключительно для личных целей) главного управления торгового мореплавания, денежные злоупотребления при постройке судов, всевозможные доносы и пр.

Печатаемые здесь письма немногие прибавляют к этим, известным уже, фактам; письма, относящиеся ко времени войны, касаются вопроса о так называемых «муромдах» (воздушных кораблях), получить которые в свое ведение, исключительно по личным побуждениям, очень добивался великий князь. Здесь он задумывал новую авантюру; по истории ее имеет лишь специальный интерес, а потому изложена нами в примечаниях.

Одно из писем А. М. Романова носит другой характер. Это — предупреждение Николаю II о гибельности для монархии его политики. Письмо относится к декабрю 1916 — февралю 1917 года ¹⁾.

Такую же цель «спасения родины» от революции преследовало и письмо брата Александра Михайловича, Николая, посланное Николаю II еще раньше, в ноябре 1916 г. ²⁾. Оно направлено, главным образом, против жены царя, Александры Федоровны. Оказывается, стоило только отстранить ее влияние, — и «сразу началось бы возрождение России». А потом, «когда время настанет, — пишет Н. М. Романов Николаю II, — ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность министрам перед тобой и перед законодательными учреждениями. Это сле-

¹⁾ Письмо писалось, в несколько приемов, в тепле почти полутора месяцев.

²⁾ Это письмо помещено нами в примечаниях в конце книги.

ляется просто, само собой, без напора и выне, и не так, как совер-
шенный достопамятный акт 17 октября 1905 года».

Брат этих князей, Георгий Михайлович, идет даже далее,
чем они, — он, в ноябре 1916 г., заикается о необходимости
теперь же организовать «ответственное министерство».

В то время, когда писались все эти письма, великокняжеская
кляка уже сознавала, что она стоит на краю гибели. Великие
князья делали попытки бороться за спасение себя и монархии.
Убийство Д. П. Романовым Распутина должно было, казалось,
«спасти» весь строй. Но спасения, конечно, не последовало.
Предчувствие скорой гибели и заставило великих князей заго-
ворить о «реформах».

Но Николай Романов и его жена смотрели на это дело
иначе. «Глупец тот, кто хочет ответственного министерства» —
писала А. Ф. Романова относительно указаний в. к. Георгия и при
этом напоминала мнение об этом уже упоминавшегося нами
французского авантюриста Филиппа: «Вспомни, даже, — наставляла
А. Ф. Романова Николая, — т-г Филипп сказал, что нельзя давать
конституции, так как это будет гибелью России и твоей, — и все
истинно-русские говорят то же»¹⁾. И слабоумный Николай,
конечно, соглашался с мнением таких, озаренных святостью,
авторитетов, как Филипп или Распутин.

Немудрепо потому, что большинство царских родственни-
ков составляли в это время оппозицию царю, и в голосах их
стали звучать ноты, сходные с мотивами другой, кадетской
«собственной его императорского величества» оппозиции. Вели-
кие князья смотрели на кадетов, а кадеты с надеждою взирали
на великих князей. «Они, — говорил в это время про великих
князей кадетский депутат Маклаков, — хотели бы, чтобы Дума
зажгла порохов... Они ждут от нас того, чего мы ждем от них»²⁾.

Проявлением таких великокняжеских настроений и является
письма к Николаю II в. к. Николая, Георгия и Александра Михай-
ловичей.

Но, пока продолжались эти великокняжеско-кадетские ожида-
ния — надвинулась революция. Однако, и тогда великие князья не
потеряли надежды спасти положение. В то время, как кадеты

¹⁾ «Семейная переписка Романовых» — «Красный Архив» 1923 г.,
том IV, стр. 188, письмо от 14 декабря 1916 г.

²⁾ М. Палеолог. «Царская Россия накануне революции. 1923 г.,
стр. 302 — запись от 15 (2-го по ст. ст.) января 1917 г.

хлопотали о возведении на «престол» царского брата Михаила, великие князья (в том числе и этот Михаил) решили предложить Николаю выпустить манифест о «предоставлении государству Российскому конституционного строя». В суматохе великие князья позабыли, что подобный акт уже был издан еще 17 октября 1905 г. Не имея возможности получить под своим актом подпись Николая II, великие князья отправили этот манифест своему единственному Милкову¹⁾. Курьезнее всего то, что все это делалось уже после революции. Немуद्रено, что даже А. Ф. Романов считала этот акт «идеальным».

Обрисовывая «великих князей» в лице их видных представителей²⁾, эти письма их к Николаю II вполне ясно показывают, что, вмешиваясь в государственные дела и пытаясь влиять на направление политики, представители романовской семьи руководились при этом исключительно своими личными, шкурными интересами и на крупнейшие государственные вопросы смотрели лишь как на свои семейные дела. И даже, когда, накануне революции, «великие князья» стали указывать на необходимость «реформ», то и эти голоса были продиктованы, конечно, прежде всего страхом за свое положение и властным чувством классового самосохранения.

Надо при этом заметить, что каждый из этих царских родственников обходился государству ежегодно в несколько сот тысяч рублей. Так, из печатаемых здесь писем видно, что дядя Николай II, Павел, получал в год около 270 тысяч рублей «личного содержания» и имел, кроме того, от отца наследство, из народных денег, в несколько миллионов рублей. Но эти колоссальные суммы, шедшие на беспечную и беззаботную жизнь, в конце концов, были уже не так велики по сравнению с тем, во что обходился народу все злодеяния «дома Романовых» в целом и отдельных его представителей в частности.

Отметим еще некоторые другие, более или менее интересные места из печатаемых писем.

В этом отношении выделяются особенно письма Н. М. Романова: здесь интересны выдержки из его записок о свядании

¹⁾ Подробности обо всем этом — в примечаниях.

²⁾ Кроме упомянутых нами царских родственников, в книге фигурируют и некоторые другие (Павел Александрович, Михаил Михайлович), по разным причинам не игравшие особой роли в механизме старой монархии.

в 1912 году с политическими деятелями Румынии. Беседы с ними имеют ценность уже потому, что основной вопрос, вокруг которого они вертятся, сосредоточен на выяснении той позиции, какую займет Румыния в случае войны русских империалистов с австро-германскими. Это обсуждалось в ноябре 1912 г. в период первой балканской войны (объявленной 2 — 15 октября), когда возможность кровавого столкновения России с Австро-Венгрией и Германией не раз обнаруживалась чрезвычайно остро и даже казалась почти неизбежной. Николай Романов очень желал оказать помощь балканским государствам, даже если бы это вовлекло Россию в серьезные затруднения¹⁾. Подготавливаясь к кровавой войне, Николай Романов и отправил в Румынию, с целью зондирования почвы, в. к. Николая Михайловича. Тогда, в 1912 — 1913 г.г., война была временно отложена, но вынесенные Николаем Михайловичем впечатления не оказались бесполезными для расчетов при начавшейся в 1914 г. мировой войне; это и подчеркнул Н. М. Романов в письме к царю, написанном в те дни, когда румынская буржуазия, после длительного торга, присоединилась, наконец, к «союзникам» (август 1916 г.).

Целившие кетати отметить, что в 1912 году, на вопрос великого князя, обращенный к «лидеру оппозиции» Братяно — попытается ли он, если в один прекрасный день окажется во главе правительства, «получить Бессарабию», этот румынский деятель скромно ответил: «Вы шутите, ваше императорское высочество,— даже в качестве пламенного румынского патриота я не могу желать невозможного».

Итак, при монархической России, Братяно находил это «невозможным», но, когда в России восторжествовала рабоче-крестьянская власть, то этот самый Братяно принял деятельнейшее участие во всей той политической комедии, которая называлась «добровольным присоединением Бессарабии к Румынии».

Заслуживает внимания в письмах того же великого князя уже отмеченное его предположение о созыве мирной конференции.

Некоторый интерес имеют также письма великого князя Михаила Михайловича, постоянно жившего в Англии; он был во время империалистической войны председателем русского прави-

¹⁾ Бьюкенен. «Мемуары дипломата», 1924 г., стр. 38.